

Л. Н. Синякова

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: philology@gf.nsu.ru

**«ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК» В ЭПОХУ 1860-Х ГОДОВ:
ХАРАКТЕР ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА А. Ф. ПИСЕМСКОГО
«ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ»**

В статье исследуется тип «лишнего человека» в полемическом романе Писемского «Взбаламученное море» (1863). Главный герой романа, Бакланов, рассматривается на протяжении двадцати пяти лет его жизни, от конца 1830-х до начала 1860-х гг. Писемский наблюдает за теми изменениями в характере героя, которые вызваны вмешательством исторических обстоятельств в судьбу обычного человека, вынужденного определить свое место в мире в эпоху исторических перемен. Делается вывод о сочетании «романтизма» и прагматизма в характере героя, который не столько выбирает путь жизни, сколько приспосабливается к обстоятельствам. Характер Бакланова в типологическом плане обозначает этап в эволюции типа «лишнего человека» в русской литературе XIX в.

The article is devoted to the specifics of Pisemsky's understanding of the «odd man» literary type. The main hero of the novel, Baklanov, is rather pragmatical, than reflexive type. He's compelled to adapt himself due to the changing historical reality, so he lives through his life, full of adventures. The character of Baklanov transforms greatly in comparing with the canonic type.

Роман «Взбаламученное море» (1863) резко отделяет раннее творчество Писемского от зрелого. «Ранний» Писемский – создатель романов «Боярщина», «Тысяча душ», повестей «Тюфяк», «Виновата ли она?», художественно-документальных «Очерков из крестьянского быта» – был единодушно признан классиком русской литературы середины века. Однако «поздний» Писемский неоднократно подвергался остракизму со стороны современной ему литературной критики. Тем не менее именно к творчеству Писемского 1860–1870 гг. в основном обращается литературоведение последнего десятилетия, поскольку крупные романы писателя, в свое время подвергшиеся резко отрицательным идеологическим оценкам, требуют пересмотра и возвращения в фонд русской классической литературы¹.

В последний период творчества, который выпадает на 1860–1870-е гг., изменяется характер реализма Писемского, что было связа-

но в первую очередь с усложнением концепции человека в проблемном и эстетическом аспектах. Крупный реалист активно осваивает новые сферы общественной жизни России той поры; происходит переориентация его романной системы от социально-бытового к социально-философскому роману. Еще в романе «Тысяча душ» (1858) Писемский заинтересовался «общественным» человеком, сменив свою характерологическую парадигму: место обыкновенного человека занял человек незаурядный и к тому же неоднозначный в плане социальной характеристики. Калинович как художественный образ уже не мог быть объяснен исключительно влиянием социальной или бытовой среды, так как автор романа вышел за границы социологического реализма 1840-х гг.

В романе «Взбаламученное море» писатель распространяет идею «общественного» человека не на ключевые моменты жизни героя, как он это сделал в «Тысяче душ», а на всю его биографию. По жанровому признаку «Взбаламученное море» прежде всего биографический, «личный» роман.

¹ Подробнее об историографии творчества Писемского в последние десятилетия см.: [Синякова, 2006. С. 59–63].

Еще в 1851 г. Писемский делился замыслом подобной книги в письме к А. А. Краевскому: «...с будущего же месяца я начну писать для вас, но только буду высылать к вам по частям, на целое не хватит смелости: сюжетом думаю выбрать автобиографию обыкновенного человека: начну с рождения и буду следить за постепенным развитием человека. Обстоятельствами жизни обставлю его самыми обыкновенными... прослежу потом все замашки юности, горькие уроки, постепенное охлаждение, в период которого он оглянулся на прошедшее и пишет записки» [Писемский, 1936. С. 42].

Замысел «автобиографии обыкновенного человека» не был воплощен в раннем творчестве Писемского. У него действительно «не хватило смелости», а может быть, писательского мастерства для реализации такого огромного начинания². В романе «Взбаламученное море» Писемский не только воссоздает процесс «постепенного развития человека», но и наделяет главного героя типологическими чертами «человека сороковых годов». Понятие «человек сороковых годов» в основном совпадает с понятием «лишний человек», взятом в хронологическом соотношении не со всей историей бытования этого общественно-литературного типа, а с эпохой 40-х гг. «Человек сороковых годов» понятие, скорее, историко-культурное и общественно-историческое, а термин «лишний человек» традиционен для истории литературы. Писемский, непревзойденный мастер социально-бытового рисунка, тяготел к культурно-историческим категориям в творческой систематизации жизненных процессов. Следующий после «Взбаламученного моря» роман он назвал «Люди сороковых годов» (1869), обозначив свой интерес к культурно-историческому содержанию эпохи.

Устойчивыми признаками характерологии «человека сороковых годов» как вариан-

² Писемский в 1850-е гг. считался хоть известным, но молодым писателем. Отчасти осознавая это, он давал совет всем начинающим литераторам: «Я теперь хотел посоветовать всем молодым начинающим писателям писать только то, что они сами прожили; если бы даже это вышло несколько бестактно, но оно непременно будет искренно и правда. Тогда как сразу вставать в позу наблюдателя, и еще наблюдателя-юмориста, для этого надобно долго и поглубже выкупаться в житейском омуте и иметь несомненные силы таланта...» [Литературное наследство, 1964. С. 140].

та типа «лишнего человека» являлись: ориентированная на немецкую классическую философию теория познания мира; повышенные требования, предъявляемые к нравственному облику личности; неспособность к практической деятельности в тогдашних общественных условиях и, следовательно, мечтательность и созерцательность (см.: [Бердяев, 1990. С. 31–37; Зеньковский, 1997. С. 52–62; Овсяннико-Куликовский, 1989. С. 122–201; Шелгунов, 1974]). В романе «Взбаламученное море» Писемский попытался исследовать те изменения, которые вызывает в «лишнем человеке» 40-х гг., с одной стороны, его взросление и пора духовной зрелости, а с другой – движение истории.

Главный герой романа – Александр Бакланов. Его весьма обыкновенная жизнь прослеживается на протяжении 19 лет – с кануна 1843 г. по весну 1862 г. Писемским овладевает замысел исследовать не только судьбу человека на протяжении двух десятилетий, но и отразить те изменения в общественной жизни страны, которые произошли начиная с 1840-х гг. В связи с историко-социальным контекстом биографии «обычного» человека формируется другое жанровое задание – создать общественный, а точнее, полемический роман – ведь исследуется общественная жизнь страны в ее исторически поворотный момент³. Таким образом, на один замысел – написать историю нравственного взросления человека – накладывается более свежий замысел исследования острейших вопросов современности.

Писемский был охвачен идеей отобразить «взбаламученное море» русской общественной жизни начала 1860-х гг. В письме к Б. Н. Алмазову от 1 ноября 1862 г. писатель обещает выпустить роман, которому суждено стать эпопеей новейшей российской жизни: «Я теперь пишу большой роман, который будет больше “Тысячи душ” <...> Он захватывает всю почти нашу матушку-Русь; словом, труд серьезный» [Писемский, 1936. С. 151].

Писатель продолжает творческую переключку с Гоголем, сказавшуюся не только в

³ О жанровой и историко-культурной природе полемического романа см., в частности: [Сорокин, 1964; Кондюрина, 1991; Батюто, 1977; Проскурина, 1994; Краснощекова, 2001; Старыгина, 1996; 1997; 2003].

преимущественности художественных типов и способов отражения действительности, но и в устремленности к расширению охвата жизненных фактов. Если роман «Тысяча душ» соотносился с «Мертвыми душами» Гоголя по постановке задачи, согласно которой души, и не только «мертвые», становятся предметом торга, то в стремлении «захватить всю почти нашу матушку-Русь» Писемский ориентируется на эпический жанр. В этом плане он близок Гоголю, который намеревался «показать хотя с одного боку всю Русь» в «Мертвых душах». По замечанию В. А. Мыслякова, «это не просто случайные схожести, а “равнение” на Гоголя, своеобразная “рифмовка” творческих установок» [Мысляков, 1992. С. 83].

Таким образом, Александр Бакланов становился героем эпопеи, что значительно усложняло первоначальный план создания биографии «обыкновенного человека». Биография среднего человека эпохи должна была представить все поколение «людей сороковых годов», оказавшихся в исторических обстоятельствах 1860-х гг.

Писемский ломает выработанную им в 1850-е гг. композиционную схему, которая предписывала объяснение эволюции характера в развернутой предыстории, в то время как в дальнейшем повествовании характер оставался статичным. Уже в «Тысяче душ» характер Калиновича эволюционирует и герой не подчиняется воле судьбы, а вернее, ходу событий, выбирая свой собственный путь. Бакланов во «Взбаламученном море» не является сильной и незаурядной личностью, подобной Калиновичу. Он вновь следует за теми жизненными и историческими событиями, которые захватывают его в свой круговорот, но вместе с тем он *эволюционирует*. Писемский утверждает тождество «эпохи» и «человека», одновременное развитие и изменение этих двух «участников» процесса жизни.

Эволюция характера Бакланова не равнозначна развитию личности. Бакланов как личность, скорее, деградирует. Автор замечает по поводу начавшегося в конце 1850-х гг. общественного подъема, который вольно или невольно затронул всех персонажей романа: «*в ком какие были инстинкты, те и начинали заявлять себя*» [Писемский, 1895. Т. 10. С. 24]. Действительно, «инстинкт» Бакланова весьма примитивен: это неумный эгоизм

человека, привыкшего к сословному праву собственности, которое он распространяет на отношения со всем, что его окружает. Бакланов – человек, ведущим побуждением которого является искание «комфорта». Заявленная в предыдущем романе Писемского идея «комфорта» видоизменилась. Если Калинович в «Тысяче душ» пытался соединить несоединимое – достижение личного благополучия и служение «высшей идее», – то Бакланов ищет только личного «комфорта», прикрывая это искание привычным для целого поколения «обыкновенных» людей эпохи 1840-х гг. флером романтизма.

Этот психологический феномен глубоко постиг и объяснил Достоевский. Герой «Записок из подполья» Достоевского, описывая свое двадцатилетнее «подполье» в середине 1860-х, тоже формировался в 1840-е гг. Подпольный парадоксалист с присущим ему всепроникающим цинизмом, который, впрочем, проистекает от желания преодолеть бесконечное отрицание и ложь большого сознания, высказывает крайне занимательную мысль: «Свойства нашего романтика – это все понимать, *все видеть, и видеть часто несравненно яснее, чем видят самые положительнейшие наши умы*; ни с чем и ни с кем не примиряться, но в то же время ничем и не брезгать; все обойти, всему уступить, со всеми поступить политично; постоянно не терять из виду полезную, практическую цель... и в то же время “и прекрасное и высокое” по гроб своей жизни сохранить нерушимо...» [Достоевский, 1973. Т. 5. С. 126].

Бакланов – тип человека, который эгоистические желания оправдывает патетикой «высокого штиля». Он несомненно несет в себе родовые черты демонического типа, столь блестяще развенчанного в раннем творчестве Писемского. Юный Бакланов, например, изображается точно так же, как его предшественники из повестей и романов Писемского 1850-х гг. В дворянском собрании он, запрокидывая голову назад, надменно обводит зал сквозь стекла пенсне, которое носил исключительно для того, чтобы «представить из себя человека мыслящего и занимающегося» [Писемский, 1895. Т. 9. С. 55]. Испытав неудачу в любви к ветреной Софье Басардиной, он едва ли не впадает в буйство. Автор иронизирует: «Избалованный, а отчасти и по самой натуре своей, он (Бакланов. – Л. С.) любил страдать шумно» [Там

же. С. 60]. К «демоническим» чертам Бакланова можно отнести демонстративность его поведения⁴, подчеркнутую «литературность» сочиненной им истории «падения» Софьи, мнимое благородство первоначального обращения с совращенной им впоследствии Казимирой, которая, в сущности, ему просто не нравилась. Слова, которые сопровождали его «великодушный» отказ от жертвы Казимиры, удивительно вторичны и наполнены ложным пафосом, и автор не удерживается от иронического комментария: «“Будь покойна, мое кроткое существо... Я не погублю тебя!” – произнес он тоном самоотвержения. Но на самом деле Казимира просто не нравилась ему своей наружностью» [Писемский, 1895. Т. 9. С. 138]. Повзрослевший герой сокрушенно признается, что в его «глупой *студентской* жизни» он иной раз предавался «ломанью вроде Печорина перед какою-нибудь влюбленною госпожой» [Там же. С. 238].

Таким образом, юному Бакланову свойственно позерство и притворное самоотречение, под которыми скрывается жесточайший эгоизм, и это, безусловно, роднит его с «демоническими» героями ранней прозы Писемского. Однако «демоническое поведение» в трактовке Писемского является принадлежностью именно молодых людей, прикрывающих напускным разочарованием свое жизнелюбие (см.: [Писемский, 1936. С. 35]). Бакланов же минует фазу «демонизма», своего рода «культурную общность» молодых людей конца 1830-х – начала 1840-х гг., и проходит индивидуальный путь человека предреформенной эпохи. Естественно, в нем остается «демоническое» оправдание низких поступков «величием» помыслов, но в целом тип Бакланова индивидуально-характерный, а не литературно-подражательный.

Напомним, что в раннем творчестве Писемского помимо демонического героя осваивался также генетически связанный с «демонизмом» тип героя-рефлектера, которого мы называем применительно к ранней характерологии этого писателя *мечтателем*

⁴ Ярким примером демонстративности поведения героя может служить эпизод, когда он по дороге к своему родственнику Ионе Мокенчу Дедовхину, рисуясь, взнуздывает лошадь и играет охотничьим ножом: «В эти минуты он воображал себя черкесом – доказательство, что еще был молод душою» [Т. 9. С. 183].

прагматиком. Этот тип соответствует проницательнейшей характеристике жизненного поведения русских романтиков, данной Достоевским. Сочетание «демонических» черт характера с «гамлетическими» позволяет говорить о наличии в структуре характера Бакланова типологической формулы «лишнего человека».

Н. В. Шелгунов в посвященной творчеству Писемского 1860-х гг. статье «Люди сороковых и шестидесятых годов» дает меткую характеристику «лишним людям» 40-х гг.: «Это вечные мученики самых благородных и гуманных стремлений; но в то же время лежебоки, праздные говоруны, мечтатели, идеалисты» [Шелгунов, 1974. С. 60]. «Жизнь этих людей была трудная, мучительная, – продолжает критик. – Воспитавшись в лучших стремлениях, они, конечно, могли тяготеть лишь к идеалу, которого вокруг себя не видели; они должны были болеть желанием переделать все <...> начались критические отношения к действительности, начались красивые разговоры и платонические стремления к идеалу. <...> Мечтать в те времена значило действовать и жить...» [Там же. С. 61].

Главный герой романа «Взбаламученное море» награжден автором некоторыми чертами типа героя-рефлектера, «русского Гамлета»: способностью культивировать страдание, которое у него недолговечно, отворачиваться от реальных трудностей, уступать в психологическом и духовном единоборстве женщине, наделенной устойчивой системой ценностей, в рамках русского классического романа всегда соотносимых с православно-христианской этикой⁵. Кроме того, Бакланов – несомненный поклонник «эстетической» мысли, которая восходит к ос-

⁵ По наблюдению Ю. М. Лотмана, впервые конфликт «исторического» и «вечного» типов сознания был реализован в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина: «“Евгений Онегин” задал тип “русского романа”, в котором отношения героя и героини одновременно становятся моделью основных исторических и моральных коллизий русского общества XIX в. При этом героиня как бы воплощает в себе вечные или, по крайней мере, долговременные ценности: моральные устои, национальные и религиозные традиции, героическое самопожертвование и вечную способность любви и верности, а в герое отражены черты исторически конкретного момента, переживаемого русским обществом. И все это превращает роман в историю конфликта двух условно-обобщенных фигур. Этот конфликт проступает в бытовом, наполненном чертами живой реальности повествовании» [Лотман, 1997. С. 196].

военному «людьми сороковых годов» в качестве жизненной философии гегельянству⁶. Но все эти признаки феноменологии «человека сороковых годов» весьма поверхностно отражены в характере Бакланова.

Глубинное чувство и «субстанциональное» свойство натуры Бакланова – чувство самосохранения и эгоцентризм. Кстати, Н. В. Шелгунов вовсе отказывает Бакланову в звании «человека сороковых годов», считая его представителем формации безвольных и охваченных социальной апатией «людей 50-х годов», которые формировались во второй половине 1840-х гг. Бакланов, полагает критик, наряду с другими персонажами романа вполне заслуживает места среди «*отживших людей*» «*глухой эпохи*» (см.: [Шелгунов, 1974. С. 169–170]).

Бакланов и по рождению, и по условиям воспитания все-таки представитель если не идеологов поколения 40-х гг., то его расхожей массы. Перед автором романа стояла задача исследовать характер человека, который испытывает не столько влияние социальной и бытовой среды, как это было в его раннем творчестве, сколько влияние исторического момента. Поэтому метафизика «демонического сознания» сменяется в характере Бакланова по мере его взросления диалектикой сознания исторического. Это, кстати, выразилось и в композиции романа: первая часть по преимуществу посвящена не описанию юности героя, а истории родственного ему рода Басардиных. История рода выполняет роль своеобразного исторического пролога к жизни героя и задает не узкобиографическую, а социально-историческую парадигму прочтения романа. Писемский воссоздает историю провинциального дворянского семейства, которое могло «возвыситься» и войти в круг столичного дворянства, а могло и

остаться в прежнем положении небогатых и невежественных помещиков, знакомых нам по ранним произведениям Писемского.

На протяжении первой части романа Бакланов выступает в качестве второстепенного персонажа. Его появление лишь «сопутствует» развитию сюжетной линии, связанной с семейством Басардиных. В самом деле, Бакланов пока еще как личность не обозначен; это всего лишь студент с демоническими замашками. Для Писемского это тип, как мы знаем, был уже неинтересен.

Во второй части романа описаны «годы учения» Бакланова и вводится множество персонажей, которые не только будут участвовать в дальнейших событиях, но и определять идеологическую структуру полемического романа. Так, намечаются два типа деятелей тогдашнего времени – либерал Варегин и революционер Проскриптский. Варегин – носитель здравого смысла, озвучивающий в романе идеи самого автора. Это умеренный консерватор, который так же, как и Писемский, приветствует начавшиеся реформы, но с оглядкой на неизбежность государственных установлений: сословности, религии, права собственности. Прообразом Проскриптского стал Чернышевский⁷. В романе Проскриптский скорее карикатурная копия революционного демократа. Его лозунги прямолинейны, рассуждения топорны, его обличье подчеркнуто шаржированно.

Реформатор Варегин и революционер Проскриптский вступают в своего рода идеологический спор, который разворачивается на протяжении всего романа. Тем не менее героев объединяет одна общая черта: оба они трудолюбивы и имеют ясную цель в жизни – Варегин хочет стать ученым, а Проскриптский – революционным деятелем.

Бакланов в отличие от этих героев не имеет жизненной цели и не способен к длительному труду. Бакланова возмущает даже не только то, что его обошли другие студенты, более прилежные и более талантливые. Ему претит мысль о том, что он уступил *разночинцам*. Два университетских соперника Бакланова – Проскриптский и Варегин – добивались всего упорным трудом, обозначив

⁶ По замечанию Н. А. Бердяева, «русский молодой человек, принадлежавший к поколению 30-х и 40-х гг., исповедовал тоталитарное шеллингианство или тоталитарное гегельянство в отношении ко всей жизни, не только жизни мысли и жизни социальной, но и жизни личной, в отношении любви или чувства природы» [Бердяев, 1990. С. 24]. Д. Н. Овсянко-Куликовский отмечает, что быстро крепнущая в 1840-е гг. «реалистичность» мышления русской интеллигенции не противоречила всеобщему увлечению «гегельянством», поскольку «из всех метафизических систем философия Гегеля может по праву быть названа наиболее “реалистической”, и она... была именно “философией действительности”» [Овсянко-Куликовский, 1989. С. 189].

⁷ В литературоведении это общепризнанный факт. Напомним, что еще Шелгунов возмущался «скабрезным намерением намекнуть на живого человека» в образе Проскриптского [Шелгунов, 1974. С. 172].

в какой-то мере историческую перспективу вытеснения старого барства из общественной жизни страны. Известно, что Варегин происходил из мещан и был самоучкой. Сообщается, что великий поэт Жуковский, наставник цесаревича Александра Николаевича, путешествуя с наследником престола, удостоил благосклонного внимания бедного сироту и устроил его в гимназию, каковую мальчик закончил экстерном. Проскриптский же, как и его реальный прототип, был сыном священника. Когда Бакланов сталкивается в дверях трактира с Проскриптом, разворачивается следующая исполненная взаимной сословной неприязни сцена: «“Кутейник!” – проговорил Бакланов. “Барченок!” – прошептал Проскриптский» [Писемский, 1895. Т. 9. С. 131].

Бакланов никогда не забывает о своей сословной принадлежности: он прежде всего барин, или, пока еще молод, *барчик* – так называет его престарелая прислуга. Потерпев неудачу на поприще наук, Бакланов хочет стать *«проприетером»*, помещиком: «Только и осталось одно... сделаться помещиком... Около земли все-таки труд честный, и я знаю, что буду полезен... двумстам душам, которые мне принадлежат!» [Там же. С. 152].

Сменив «демоническую» маску на маску доброго хозяина, Бакланов только сменил одну ложную цель на другую. Ни та, ни другая роль не подходили герою: «демонизм» претил его жизнелюбию, расчетливое хозяйствование – его легкомыслию. В деревне новоявленный помещик предается кутежам со своим родственником Ионой Мокеичем Дедовхиным по прозвищу Иона-Циник, совращает крепостную девушку Машу и понемногу нравственно опускается. В самом деле, трудно преобразовать хозяйство, лелея одну-единственную мысль о безделье. Автор приводит внутренний монолог героя: «Я сквайр... проприетер... все это, что ни идет, ни встречается, все это ниже меня <...> Я могу жить, ничего не делая и ни в ком не нуждаясь... Я знаю науки, а тут никто ни одной» [Там же. С. 172–173]. Заметим, что не так давно герой не был уверен в своих глубоких научных познаниях. Покинув университет, он признался своему товарищу, что ему «черт знает чем набили голову: всем и ничем, ступай по всем дорогам и ни по какой» [Там же. С. 151–152]. Завышенная

оценка своих поверхностных знаний косвенно свидетельствует о том, что Бакланов деградирует, снимая претензии к себе и предъявляя их всем остальным.

Однако Бакланову не чужды укоры совести, в том числе признание не только личной, но и сословной, исторической вины барства перед зависимым от него классом людей – крестьянством. О том, что Бакланов ощущает грань между честностью и корыстолюбием, свидетельствует его неудавшаяся карьера чиновника. На пожелание матери стать таким же грабителем, как губернский почтмейстер, Бакланов отвечает: «А вы считаете меня на это способным?» [Там же. С. 156]. Оставаясь лично честным человеком, вернее, человеком *comme il faut*, Бакланов допускает бесчестные поступки по отношению к крепостной Маше, поскольку связь с крестьянкой не могла опорочить господина. Сословное самосознание Бакланова возмущается только тогда, когда мать насильно выдает Машу замуж: «Скоты мы, подлецы, мерзавцы!» [Там же. С. 199]. Местоимение «мы» в устах героя выдает именно комплекс общей, родовой вины барина пред крестьянином. Отметим, что подобные настроения новы для героя Писемского вообще: его проза 1850-х гг., изображавшая стабильный уклад жизни провинциального дворянства, тяготела также к воссозданию устойчивой психологии героя. Он не только примирялся с этим укладом, но даже и не задавался вопросом о своей исторической вине.

Не способный стать помещиком, Бакланов пробует себя на чиновничьей стезе. Никогда прежде Писемский не награждал своего героя подобной социальной «многогранностью». Бакланов настойчиво ищет сферы приложения своих способностей. Это роднит его с Калиновичем, но герой «Тысячи душ» был неординарным, сильным человеком, целеустремленным честолюбцем. Также по-разному проявляется ведущее побуждение обоих героев – поиски *«комфорта»*. Путь Калиновича представляет собой неуклонное восхождение на верхи социальной лестницы. Путь Бакланова – это, скорее, кружение на месте.

Бакланову просто не находится дела в новых исторических обстоятельствах. Если в предреформенных условиях «человек сороковых годов» был полезен уже своей абстрактно-философской претензией,

предъявляемой эпохе, и мог служить примером морального сопротивления обстоятельствам, то для мироощущения новой эпохи этого было мало.

Бакланов наблюдает новые тенденции в жизни губернского общества и проявляет присущую «лишнему человеку» моральную брезгливость. Например, он не может примириться с тем, что все зависит от ничтожного и суетливого Галкина, которого его собственные сыновья называют «мещанином во дворянстве». Выдвигается новая сила – сила денег. На обеде у Галкина герой внутренне содрогается: «У Бакланова мороз пробежал по коже: ему представилось, что он и все прочие господа – те же лица, как и в “Ябеде” Капниста, которые, ограбив несправедливым судом бедняка, у богатого его противника пьют, едят, поют и торжествуют свое поганое дело» [Писемский, 1895. Т. 9. С. 259–260].

В первых трех частях романа характер главного героя в основном не выходит за рамки представлений о русском либерале 1840-х гг. Его поступки предсказуемы, внутренняя эволюция в целом понятна, так же как очевидна типологическая связь этого характера с созданными Писемским в 1850-е гг. характерами. Начиная с четвертой части меняется логика обстоятельств. Они становятся отчасти непредсказуемыми, отчасти провоцирующими на быстрое принятие жизненно важных решений – в любом случае, обстоятельства перестают быть устойчивыми, раз и навсегда присущими жизненной модели молодого образованного человека, обеспеченного почти всеми мирскими благами. Писемский делает своего героя более зависимым от исторического момента: наступает конец 1850-х гг., и страна замирает в предошущении перемен.

Писемский заставляет своего героя приравняться к новым общественно-историческим обстоятельствам. Он сообщает, что Бакланов счел невозможным свое пребывание на службе, где он, впрочем, преуспел; вышел в отставку и «стал отращивать себе усы и бороду». Это ироническое заключение, как обычно у Писемского, связывает воедино внутреннее состояние героя и его внешнее проявление – готовность к ленивой, беззаботной жизни русского барина среднего достатка. И, разумеется, писатель отмечает, что «внешнее» преобладает над внутренним, что выход Бакланова в отставку был

лишь данью моде, а не велением твердых убеждений.

Именно в этой части романа, когда изображается поворотный момент русской истории, Писемский вводит в повествование серьезного нигилиста Валериана Сабакеева, и у Бакланова появляется идеологический оппонент. Первый спор на злобу дня происходит между Сабакеевым, с одной стороны, и Баклановым, а также одним местным помещиком – с другой. Речь идет о событии, которого ожидали все – кто со страхом, а кто и с радостью, – об освобождении крестьян. Валериан Сабакеев, вопреки своему классовому инстинкту (он брат жены Бакланова и принадлежит к богатой знатной фамилии), ратует за освобождение крестьянства. Бакланов возражает: «Нельзя же разорять целое сословие». Сабакеев утверждает, что «нельзя разорять только рабочую, производительную силу». Это первый пункт разногласий «старых» и «новых» людей России: первые полагают, что социальная иерархия нерушима, вторые – что ее следует переустроить, устранив из нее паразитические классы. Помещик возмущен: «Тут пострадает-с не одно сословие, а все государственное хозяйство, потому что парализуются большие землевладельцы. <...> Мы не в состоянии будем обрабатывать столько, сколько прежде обрабатывали, а мужики у себя тоже не прибавят; значит, прямо будет убыток в труде» [Т. 10. С. 48].

Следующий пункт расхождений представителей двух противоположных общественных лагерей – жизнеспособность крестьянской общины. Валериан Сабакеев уверен, что общинное хозяйство более эффективно, чем помещичье землепользование. Бакланов настаивает на том, что в натуре всякого крестьянина дремлет алчный собственник: «...наш мужик ничего так не боится, ни медведя, ни черта, как мира и общины» [Там же. С. 49]. По Бакланову, право собственности присуще более высокому общественному укладу по сравнению с тем, где этого права нет. Общинное землепользование – это «форма диких племен», которая отбросит страну на тысячелетие назад.

Таков расклад общественных сил накануне реформы, данный в его семейно-бытовом воплощении. Бакланов – либерал, не обладающий стройным научным мировоззрением. Реформы его пугают по двум причинам: они отнимут землю, т. е. собственность, и

приведут к деградации всей экономической системы, а это грозит разрушением традиционной морали. Примерно так же рассуждал и Писемский, который в последующих двух частях романа изобразил наступивший после 1861 г. распад села и в какой-то мере озверение крестьян против бывших помещиков. В подтверждение этому сошлемся на письмо Писемского к И. С. Тургеневу от 3/15 июля 1861 г.: «...ко всему этому еще отовсюду окружающий вас крестьянский вопрос, по милости которого из русского человека так и лезут разного рода таящиеся в нем мерзости, как-то: тупость, мелкое своекорыстие, подлое *вольничанье* с одной стороны, когда узду несколько поотпустили, а с другой – злая, но уже беззубая власть – словом, каждый день самые отвратительные и возмутительные сцены» [Литературное наследство, 1964. С. 169].

Бакланов ведет себя как последовательный либерал и в «эстетическом» споре с Сабакиевым, отстаивая мысль о главенстве «чистого» искусства над утилитарным, а также искусства вообще над наукой: «...Я вовсе не с такою великою душой, чтобы мне страдать любовью ко всему человечеству; достаточно будет, если я стану заботиться о самом себе и о семействе, и нисколько не скрываюсь, что Аполлон Бельведерский все-таки дороже мне печного горшка»⁸, – заявляет Бакланов [Писемский, 1895. Т. 10. С. 60]. Брат Евпраксии, как и положено нигилисту, а стало быть позитивисту, насмешливо заметил, что «печной горшок – очень полезная вещь», «и ни слова не прибавил в пользу Аполлона Бельведерского» [Там же]. «Ну да, разумеется... и клеточка ведь самое важное открытие в мире; смело ставь ее вместо Бога», – сердится Бакланов и предлагает упразднить Шиллера, Гете и Шекспира, как не соответствующих духу времени [Там же]. Его родственник соглашается, что «теперь на поверхности» не искусство и даже не интересы людей, а «идеи народности, демократизма, идеи материализма, наконец, социальные идеи» [Там же]. В этом споре идеалистом назван не Бакланов, а его

шурин, готовый пойти на костер за идею. Когда Бакланов называет Валериана Сабакиева «нравственным уродом», которому чуждо чувство любви к прекрасному, в том числе к женщине, Евпраксия Сабакиева заступает за брата: «Вот уж неправда! Они, а не вы, идеалисты и мечтатели...», потому что увлечение «эстетического» поколения 40-х гг. равносильно увлечению «утилитаристов» 60-х гг. *«теориями разными»* – в обоих случаях речь идет о самоотверженном служении идее [Там же. С. 61–62]. Писемский признает не идейную правоту молодых нигилистов, а их моральное преимущество перед вялым и растерявшим свои силы в разгульной «барской» жизни поколением «отцов».

Автор, проводивший своего героя через различные жизненные испытания, в которых Бакланов показывал себя в основном неприглядно, разъясняет его характер в особой главе «Кто такой собственно герой мой» (гл. 24 ч. 4): «За все эти поступки, да вероятно и за предыдущие, читатель давно уже заклеил моего героя именем пустого и дрянного человека! На это я имею честь ответить, что герой мой, во-первых, не герой, а обыкновенный смертный из нашей так называемой образованной среды. Он праздно вырос, не дурно поучился, поступил по протекции на службу, благородно и лениво послужил, выгодно женился, совершенно не умел распоряжаться своими делами и больше мечтал, как бы пошалить, порезвиться и поприятней провести время. Он представитель того разряда людей, которые до 55 года замирали от восторга в итальянской опере и считали, что это высшая точка человеческого развития, а потом сейчас же стали с увлечением и верою школьников читать потихоньку “Колокол”. Внутри, в душе у этих господ, нет, я думаю, никакого самоделания; но зато натираться чем вам угодно снаружи – величайшая способность!» [Там же. С. 93].

Бакланов не изменился после реформы, хотя жизнь вокруг него стремительно менялась. Сибаритствующий барин стал сибаритствующим нигилистом, который носит «передовые» идеи, как модный фрак. Кстати, настоящие нигилисты не считают Бакланова «своим»: Елена Базелейн называет таких, как он, «слепыми», в отличие от молодых нигилистов – «зрячих». Не удивительно, что финал общественной деятельности Бакланова заключается в победном преобладании чувс-

⁸ Чрезвычайно популярный тезис утилитаристов в середине 1860-х гг. о пользе печного горшка и бесполезности Аполлона Бельведерского. Писарев развернул его в своей статье «Пушкин и Белинский» (1865) при разборе стихотворения «Чернь» (см.: [Писарев, 2003. С. 298]).

тва самосохранения над чувством самоотдачи. Добившись во время заграничного путешествия встречи с Герценом в числе других русских нигилистов, Бакланов везет в Россию революционные прокламации. Но, по настоянию своей мудрой жены Евпраксии и не особенно сопротивляясь, он выкинул за борт опасные бумаги на подъезде к Петербургу...

Таким образом, в характер Бакланова автор заложил типичные черты русского либерала 1840-х гг. в его историческом развитии. Генетически герой Писемского восходит к тому немногочисленному, но очень важному для общественной истории России слою людей, которых принято назвать «людьми сороковых годов». Шелгунов заметил, что «без людей сороковых годов не было бы людей шестидесятых годов» [Шелгунов, 1974. С. 60]. «Люди сороковых годов» продолжают начатые «лишними людьми» 1830-х гг. поиски нравственных оснований бытия. Лучшие литературные образцы «лишних людей» 1840-х гг. – Рудин, Бельтов – отстоят от Бакланова так же далеко, как Рудин от Шамилова, героя раннего романа Писемского «Богатый жених» (1852). Когда Писарев в статье «Стоячая вода» (1861) сказал, что «Шамиловых тысячи, Рудиных – десятки», он выявил ведущую закономерность, которой руководствовался Писемский в создании характеров своих героев.

Писатель исследует «середину» жизненного потока, ничем не выдающихся над его поверхностью деятелей эпохи. Бакланов так же, как «лишние люди» 40-х гг., нравственно независим, обладает гуманитарным мироощущением и склонен к отвлеченным размышлениям. Вместе с тем героя Писемского вряд ли можно назвать самоотверженным жертвователем во имя человечества. Главными психологическими свойствами характера Бакланова являются эгоизм и потребность быстрой смены впечатлений, а стало быть, эмоциональная неустойчивость и отсутствие систематического научного мировоззрения. Последняя черта находится в противоречии с обликом «человека сороковых годов», который, как правило, прекрасно знал Гегеля. Но Бакланов – герой «середины», и свидетельствует он об умственном уровне образованной молодежи 1840-х гг., для которой все-таки преобладание «эстетического» и «идеального» над «естественнонаучным» и «реальным» было аксиомой.

Бакланов не деятель, а пассивный оппозиционер всему тому складу русской жизни, который ему довелось наблюдать за два десятилетия дореформенной жизни. Это «человек исторический», но, как культурно-исторический тип, обреченный на постепенное исчезновение в движении времени. Заслуга Писемского, как нам представляется, заключается в исследовании социальных и даже социально-бытовых причин «вымывания» типа «лишнего человека» из потока истории. «Взбаламученное море» русской исторической жизни поглотило этот выработанный на протяжении трех десятилетий – с 1820-х по 1840-е гг. – культурно-исторический тип, а Писемский остался одним из его последних летописцев.

Список литературы

- Батюто А. И.* Тургенев и некоторые писатели антинигилистического направления // Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 49–72.
- Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. М., 1997.
- Кондюрина А. А.* Русский антинигилистический роман 60 – 70-х годов XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- Краснощекова Е. А.* «Обрыв» И. А. Гончарова в контексте антинигилистического романа 60-х годов // Рус. литература. 2001. № 1. С. 66–79.
- Литературное наследство.* М.; Л., 1964. Т. 73, кн. 2.
- Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб., 1997.
- Мысляков В. А.* Писемский о Гоголе // Рус. литература. 1992. № 4. С. 81–91.
- Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Литературно-критические работы: В 2 т. М., 1989. Т. 2.
- Писарев Д. И.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 2003. Т. 7.
- Проскурина Ю. М.* Жанровые разновидности антинигилистического романа 60-х годов // Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX века. Екатеринбург, 1994. С. 86–94.
- Синякова Л. Н.* Человек в прозе А. Ф. Писемского 1850-х годов: концепция характера и принципы изображения. Новосибирск, 2006.
- Сорокин Ю. С.* Антинигилистический роман // Ист. рус. романа: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 97–120.

Старыгина Н. Н. Образ человека в русском полемическом романе 1860-х годов. М.; Йошкар-Ола, 1996.

Старыгина Н. Н. Русский полемический роман 1860–1870-х годов: концепция человека, эволюция, поэтика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997.

Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации религиозно-философской полемики 1860–1870-х годов. М., 2003.

Шелгунов Н. В. Литературная критика. Л., 1974.

Список источников

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 5.

Писемский А. Ф. Полн. собр. соч.: В 24 т. СПб.; М., 1895. Т. 9, 10.

Писемский А. Ф. Письма. М.; Л., 1936.